

23 года. Одесса / Москва.

Поэт и писатель. Двадцать три года. Два сборника сомнительных стихотворений, один из которых я сжег. Несколько больших туров по СНГ. Настороженное, но искреннее внимание читателей и отвратительная репутация среди коллег. Обойма вредных привычек, татуировки, невроз, миопия и желание света — внутри и вокруг. Моя любимая книга — "Окаянные дни" Ивана Бунина, любимый цвет — фиолетовый. Вот и всё.

весь день — холодный, с грязной желтизной,
ходил по старым улицам столицы:
не той, которая кошмаром снится,
а настоящей, северной, святой.

я видел, как пьянеют облака,
и дождь косыми струями ложится —
ласкают купола и морщат лица
густые струи цвета молока.

ломались тени, падали углы,
ночь билась электрическим пожаром,
и вена Невского так больно упиралась
в гранитную артерию Невы.

мой взгляд бежал по крышам и крестам,
пытаясь зацепиться и остаться,
не видеть городов, вокзалов, станций,
особенно не видеть — поезда.

я снял бы комнату за все свои рубли
в коммуне на какой-нибудь из линий
и мог бы слышать, как в залив входили
тяжелые стальные корабли.

под песни порта — скрежет, звонкий стук —
друзьям, засевшим в подмосковных норах,
писал бы, как великий старый город
 всю ночь меня стихами кормит с рук.

я бы нашел здесь и судьбу, и кров.
был счастлив, обменяв глотки свободы
на литры мерзкой, пасмурной погоды,
но манит юг, но дальше тянет кровь.

и сердцу, перетянута в петле
дорожной, нужно утешаться малым —
в автобусе, идущему к вокзалу,
дыхание оставляю на стекле.

ПОД КРЫШАМИ НЕВЫРОСШИХ ДОМОВ

...здесь вечер был —
жара,
горячий двор,
пятиэтажка, речка, котлован.
под крышами невыросших домов
звучали чьи-то первые слова.
была квартира — в ней жила семья:

на лицах женщин не было морщин,
и накипью густая седина
не оседала на висках мужчин.
и были мы, не зная, что должны
любить — любили: всех и навсегда.
мы были здесь.
мы были здесь нужны —
как двор и дом,
как солнце и вода.
по пристани, с разбега, босиком —
маяк болтался лампой на волнах,
сиреневым размазанным огнем
шелковица горела на губах.
и я здесь был (сквозь трещины в очках
дышал камыш, в воде дрожала взвесь),
не мучая себя — зачем все так? —
и радуясь тому, что все так есть...

здесь ночь была, за ней была заря.
здесь было все — и все было не зря.
был дом.
был шкаф.
на полках были вещи.
мы выросли.
мы чувствуем все меньше.

ГЛЯНЦЕВЫЙ ГОРОД

комьями
сыпется
белое,
лишнее.
снегом стекло штукатурит. замри.
глянцевый город. и нежность улыбки
в сумерках нашей московской любви.
я от церквей
и до грязных проспектов.
я по Садовому
и за него.
я абсолютно,
отчаянно векторный.

я за тобой
и в трамвай, и в метро.
искренне силюсь
исправить ошибки:
счастье обоих
дрожит на ветру.
кутаться в вечер,
беззвездный и зыбкий.
в шумную, грязную,
нашу Москву.
я силуэтом Есенина выстою,
мраморной глыбой на снежный удар.
самым последним лирическим выстрелом
шум лесбиянок сквозь мокрый бульвар
буду хранить. и от лобного места
радиус круга — в разрезе Сатурн —
я покорю, как отвес Эвереста,
каждый твой серо-пунктирный бордюр.
свет фонарей в траекториях гибких.
выжженный снежным огнем изнутри,
глянцевый город. и нежность улыбки
в сумерках нашей московской любви.

НЕЙТРАЛЬНЫЕ ВОДЫ

... этот чай после третьей заварки горчит.
не скучай и не нервничай — помолчи,
изучай надоевший пейзаж за окном,
где за домом река, ледаколы, паром,
фейерверк электричества, свет, вода.
всё выходит из строя. войдет она —
твоя старая грусть. ну, привет, как раз
очень вовремя. наблюдай контраст:
у кого-то — перо или шёлк, багдахин,
у кого-то — матрас без белья, чердаки.
и ползет над трубой дымовой пелена,
и стекает звезда по преграде окна,
и расходятся швы, и стянулся след ран.
за роддомом построили мург или храм.
ночью умер тиран и родился пророк,
хотя, может быть, было и наоборот —

в этом деле нам ни помешать, ни помочь.
где-то город укутался в южную ночь.
этот город вмерзает в жестокий гранит,
и взрывается бомба взаимных обид,
и повышенный тон вдруг доводит до слёз.
где-то — стоны и пот: по любви, на износ.
кто-то счастлив, неся на губах поцелуй,
кто-то хмуро несёт свои губы к столу,
обнаружив предметом любви лишь стакан.
и ни зла, ни добра — торжествует баланс.
и ленивое, светлое тело встает
над замерзшей рекой, куда бьёт самолёт
и визжит в сотню глоток, где мат и мольба,
вскрыв, как штопором, бурое зеркало льда.
едкий дым, колебание чёрной воды,
ощущение света и чувство беды...
но в нейтральные воды выходит паром —
всё идёт своим чередом.

РАЗГОВОРЫ НА КУХНЕ

... говоря об искусстве, лучше купить коньяк,
позабыть о сладостях, сне, подготовиться к долгим спорам,
запереться с другом на кухне и сразу представить знак
бесконечности (ограничив предмет разговора).

... говоря о Чайковском, нужно представить лист,
задрожавший в холодном дыхании осени или
завеневшей весны мокрый шум, перестук, пересвист,
наливающиеся временем года линии.

... разговоры об Айвазовском всегда ведут к океану.
бесконечный мир техник, холстов, акварелей, томных натурщиц.
нужно вскользь, между прочим, заметить:
"Море — как фортепиано", —
и вернуться к заливу музыки (там ты плаваешь лучше).

... говоря о Вахтангове, лучше вникать в слова,
в анатомию предложений. даже предлог быть должен
собой (и от спора раскалывается голова,
и отцовский сервант отдаёт вторую бутылку — продолжим...)

... говоря о Набокове, сразу ходи ферзем —
очень сложно и вычурно спорь: эмиграция, метароман, элита.
или лучше прикинуться бледным, легкомысленным мотылем,
краем слова задев "Дар", "Отчаяние" и "Лолиту".

... заговорив о Бродском, можно споткнуться об
секундную стрелку часов и начать сначала
разговоры, которые приведут вас в дорожный столб
с нарисованным кирпичом.

в завершение полемики ни о чем
вспоминаются сладости и дружелюбное одеяло...